

---

## Доносы на сельских священников в Нижегородской епархии в первой половине XIX в.

Павел Филатов

### Denunciations of village priests in the Diocese of Nizhny Novgorod in the first half of the XIX century *Pavel Filatov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)*

Доносы на священников служат важным источником для исследования повседневности приходской жизни. Появляясь по разным случаям, они описывали действительное или мнимое девиантное поведение клириков, обнажая изломы реальности сосуществования духовенства и сельского «мира». Материалы подобных расследований, проводившихся вследствие жалоб на священнослужителей, составляют значительную часть делопроизводства Нижегородской духовной консистории<sup>1</sup>. Как правило, эти дела достаточно обширны и содержат множество документов, довольно полно раскрывающих механизмы возникновения и рассмотрения доносов, а в ряде случаев позволяющих судить о достоверности события и особенностях его восприятия участниками. Их изучение помогает в деталях увидеть и ощутить будни «маленького человека».

Доносы и жалобы, обычно писавшиеся на имя епископа, тщательно расследовались в консистории (либо в духовном правлении под её контролем), окончательное решение принимал правящий архиерей. Консисторские служащие, получив донос, поднимали клировые ведомости и послужные списки обвинявшегося священника, выясняли, имел ли он поощрения или взыскания, какой ведёт образ жизни. Затем либо благочинному поручалось разобраться и отрапортовать об обстоятельствах дела, либо сам священник вызывался в консисторию. При этом процедура проверки компрометирующих сведений была достаточно гибкой и не имела строгой регламентации, важен был собственно результат, отражавшийся в окончательной резолюции, опиравшейся на нормы канонического права и сложившуюся практику их применения. Конечно, сказывалось и отношение благочинного или епископа к священнику и к тем, кто был им недоволен. В случае необходимости духовные власти обращались за содействием к гражданским, но те действовали строго в пределах своей компетенции и не проявляли особого интереса к таким делам.

Доносы на священников поступали от представителей разных сословий, в том числе и от «братьев и сослужителей» обвиняемого. Чаще всего в них сообщалось про нетрезвый образ жизни, аморальное и противоправное поведение, небрежное исполнение обязанностей и несоблюдение канонов. Так, в 1820 г. благочинный – священник с. Помры Нижегородского уезда Василий Иванов жаловался на клириков с. Борисово Поле, заштатных и «уволненных от должности» священника Андрея Петрова и дьякона Ивана Васильева, которые «пьянствуют так, что во всякое время бываемых браков в мирских домах напившись пьяные сквернословятся, валяются», чем «делают своему сану великие небла-

---

© 2016 г. П.В. Филатов

<sup>1</sup> Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦА НО), ф. 570.

гопристойности»<sup>2</sup>. В том же доносе говорилось, что в с. Зелёные Горы диакон Иван Михайлов, дьячок Иван Андреев, пономарь Иван Николаев «весьма пьянствуют, в ночное время, напившись в питейном доме, и приходя пьяные, выгоняют жён своих и детей из своих домов, бегают за ними с ножом»<sup>3</sup>.

Иногда доносы были связаны с чрезвычайными происшествиями. В 1829 г. к насельникам городецкого Фёдоровского монастыря был направлен белый священник Фёдор Иванов, ранее служивший в с. Иконниково, расположенном неподалёку от Городца. Братия обители к тому времени состояла из пяти глубоких стариков. Поселившись в монастырской келье, о. Фёдор занялся ростовщичеством, к нему постоянно приходили посетители (в том числе его бывшие прихожане), устраивавшие вместе с ним «пьянственные компании». Старик-монахи были в отчаянии, но жаловаться боялись. Однако, когда 2 ноября 1830 г. во время утренней службы в монастыре произошла кража со взломом и у священника было похищено имущества на 500 руб., настоятель вынужден был донести о случившемся в консисторию<sup>4</sup>. Провинившегося иерея запретили в служении и перевели под особый надзор в Троицкий Островоозерский монастырь, находившийся в Горбатовском уезде.

Порою расследование, проводившееся с участием возможных свидетелей и заинтересованных лиц, оказывалось весьма запутанным. Так, в 1800 г. дьячок с. Лукоянова Ардатовского уезда Нижегородской губ. А. Иванов доносил в консисторию о том, что был оскорблён и избит настоятелем местной церкви и его сыном, служившим пономарём, во время «хождения по приходу» на Пасху «с образами для служения молебнов». Драка произошла в доме крестьянина Р. Тимофеева: в ходе застолья «священник Семён (Николаев. — П.Ф.) и сын его пономарь Иван без всякой видимой причины ругали его, Алексея, всякими скверными словами, а потом... оный пономарь... бил его по лицу кулаками, так, что от ударов его шла из носу кровь, которую видеть мог... крестьянин Роман Тимофеев»<sup>5</sup>.

Донос возымел действие — из консистории в арзамасское духовное правление поступило указание разобраться и доложить о результатах расследования. Священника вместе с сыном, а также пострадавшего дьячка вызвали в Арзамас и подробнейшим образом допросили. Николаевы категорически отрицали свою вину, но Иванов, настаивая на своём, ссылаясь на очевидцев — крестьян Тимофеева, А. Игнатьева и Д. Васильева. О. Семён, оправдываясь, звал в свидетели крестьян М. и И. Фёдоровых, Ф. Антонова, И. Михайлова. Тем свидетелям, на которых указывал дьячок, по мнению Николаевых, верить было нельзя, потому как Тимофеев и Игнатьев являлись друзьями Иванова, а Васильев состоит в ссоре со священником. В свою очередь, Иванов заявлял, что И. Фёдоров и Михайлов находятся с ним в «домовых ссорах»<sup>6</sup>, а Антонов — друг о. Семёна.

Через арзамасский нижний земский суд в правление вызвали ещё двух косвенных свидетелей, упомянутых священником во время допроса, — крестьянина Я. Гладкова из деревни Ратманово и А. Петрова, дворового человека помещика

<sup>2</sup> Там же, оп. 556, 1820 г., д. 104, л. 1.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же, оп. 557, 1830 г., д. 131, л. 1–6.

<sup>5</sup> Там же, оп. 556, 1800 г., д. 51, л. 1.

<sup>6</sup> Фёдоров украл у дьячка топор, вследствие чего тот жаловался на него сельскому старосте, а Михайлов сломал ногу принадлежавшей дьячку свинье, испортившей капусту в огороде крестьянина.

Горихвостова, но и они ничего вразумительного не сказали. Гладков только однажды видел дьячка и Тимофеева, вместе пьющих брагу в Арзамасе, а Петров сообщил, что Иванов жил у Тимофеева «по приходу его в Лукояново». И тут, в ходе следствия, Тимофеев указал, что конфликт вышел из-за того, что священник обозвал дьячка вором, а тот в ответ оскорбил попадью, после чего и началась драка.

Духовное правление сообщило об обстоятельствах дела в консисторию, где навели справки об участниках столкновения (сведения поступили, в частности, от лукояновского сельского старосты). Выяснилось, что о. Семён иногда страдал запоями, а его сын Иван вёл «беспокойную жизнь» и ещё в 1797 г. должен был пойти на военную службу «по церковнослужительскому разбору». Об Иванове же в клировых ведомостях говорилось, что он «состояния не худого». 2 октября 1800 г. консистория сочла, что показание истца «достойно вероятия». Иван Николаев был отправлен на военную службу, а с его отца и дьячка, которому вынесли порицание за оскорбление попадьи, взяли «строжайшие подписки» о том, что впредь подобные конфликты повторяться не будут<sup>7</sup>.

Письменные доносы на духовных лиц шли и из барских усадеб. В августе 1820 г. в консисторию обратился Н. Григорьев, поверенный Карамышева, владевшего с. Шуклино Горбатовского уезда. Ссылаясь на жалобы «мирских старост», он обвинял священника Василия Андреева, служившего в с. Арапово (к его приходу относилось Шуклино), в «пьянстве, буянстве и озорничестве», а также в том, что тот священник не приезжал в дом престарелого и больного помещика для совершения служб и треб. Несмотря на то, что согласно особому договору за каждую службу в доме Карамышева ему полагался рубль, «священник... никогда сего в назначенное время не исполнил» из-за «чрезвычайного пристрастия к горячительным напиткам»<sup>8</sup>.

Согласно составленной в консистории справке, Андреев «штрафован... был... в 1813 году по бытности в Баранове дьячком за учинённый в церкви во время венчания брака шум и драку». Тогда его наказали «посылкою в семинарскую работу на неделю», но это не помешало ему получить сан. В 1817 г. о. Василий «состоял под следствием» по доносу пономаря В. Петрова, которого полгода не приглашал на требы, лишая значительной части и так более чем скудного дохода. В том же году обиженный пономарь сообщил, что священник не совершал богослужений с 7 по 13 мая (соответственно не поступали и средства от прихожан). В третьем доносе за 1817 г. Петров жаловался на то, что настоятель скрывает от него количество совершаемых треб. В 1818 г. пономарь снова писал об «удержании, его, пономаря, текущего дохода». Настойчивость доносчика оказалась не напрасной – священника заставили дать подписку с обещанием выплатить все причитающиеся пономарю деньги.

Впрочем, не менее напряжённые отношения сложились у о. Василия и с сельским дьяконом Василием Спиридоновым. В 1818 г. тот донёс, что настоятель не совершал богослужение на день «восшествия его императорского величества на всероссийский престол». Это не просто свидетельствовало о несоблюдении устава, но и ставило под сомнение благонадёжность священника, который при расследовании данного эпизода «отговаривался неведением» и в

<sup>7</sup> ЦА НО, ф. 570, оп. 556, 1800 г., д. 51, л. 1 об.–13.

<sup>8</sup> Там же, 1820 г., д. 113, л. 1, 1 об.

результате был оштрафован на 5 руб. В том же 1818 г. дьякон уведомил консисторию о «причинении ему ругательствами и побоями обид»<sup>9</sup>.

Крестьяне также неоднократно доносили на священника, описывая, в частности, как о. Василий, напившись, будил «в напрасной тревоге ночью... старост, чтобы они шли к нему в дом по случаю расхищения будто бы его имения, которое, однако же, расхищено не было». Старосты селений, входивших в приход с. Арапова, даже обращались в нижний земский суд, обвиняя клирика в грубости, вплоть до «скверноматерного ругательства», нарушении церковной дисциплины и общественного порядка. Земский суд передал дело в консисторию<sup>10</sup>. Видимо, и претензии Карамышева были вполне справедливы. Но и на этот раз о. Василий отделался подпиской о дальнейшем благопристойном поведении и трезвом образе жизни: пока велось расследование, он успел примириться с помещиком, о чём Григорьев извещал консисторию<sup>11</sup>.

Уладить дело ко взаимному удовольствию удавалось всё же не всегда. 15 мая 1835 г. помещик Николай Наврозов, жена которого владела с. Сиухи Нижегородского уезда, сообщал в консисторию о «дерзости и неуважении» священника сельской церкви Ивана Григорьева, обладавшего якобы «вздорным нравом» и замеченного в «биении церковник своих»: «Как делом доказывает своё недоброжелательство..., так и словом, говоря мне лично и заочно..., что он помещика знать не хочет, а уважает крестьян. Сверх того, поселяет в крестьянах жены моей неповиновение к госпоже своей, равно и ко мне»<sup>12</sup>. Владелец с. Юрино Васильского уезда Сергей Шереметев 6 сентября 1840 г. также выражал недовольство тем, что местный «священник Нил Якимов беспокойным нравом и поступками, не соответствующими его сану, поселяет в крестьянах... неуважение к помещику и должным их обязанностям». Шереметев несколько раз беседовал с ним, безуспешно убеждая изменить поведение, после чего обратился в консисторию с просьбой удалить строптивного клирика с прихода<sup>13</sup>. Епархиальное начальство на это согласилось, повелев о. Нилу, имевшему многочисленное семейство, «приискывать другое место без дальнего отлагательства»<sup>14</sup>. Возможно, столь суровое решение объяснялось тем, что конфликтный характер данного иерея был давно известен. Ещё в 1825 г. он открыто возмущался незаконным, по его мнению, распоряжением нижегородского епископа Моисея (Близнецова-Платонова), разрешившего купцу Редозубову перейти из одного прихода Балахны в другой. Особых последствий это не имело, поскольку владыка вскоре скончался. Более того, в 1840 г. о. Нил характеризовался как священник «хорошего поведения»<sup>15</sup>.

В некоторых случаях жалобы на неправомерные действия священников подавались гражданским властям, неизменно уклонявшимся от какого-либо решения. Так, 12 июня 1823 г. в нижегородском уездном суде слушалось дело о венчании священником с. Гнилицы Балахнинского уезда Алексеем Михайловым крепостных дворовых людей Ивана Новикова и Домны Васильевой, вступивших в брак без разрешения своих господ. Иерей, совершая таинство, знал,

<sup>9</sup> Там же, л. 4.

<sup>10</sup> Там же, л. 4 об.

<sup>11</sup> Там же, л. 3–8 об.

<sup>12</sup> Там же, оп. 557, 1835 г., д. 128, л. 1–1 об.

<sup>13</sup> Там же, 1840 г., д. 138, л. 1–1 об.

<sup>14</sup> Там же, л. 9.

<sup>15</sup> Там же, л. 1–3.

что нарушает и закон, и канонические правила<sup>16</sup>. После венчания «убёгом» супруги всё откровенно рассказали владельцу Новикова – коллежскому советнику Ф. Стремоухову. Тот и обратился в уездный суд, который, рассмотрев дело, направил его в консисторию<sup>17</sup>. Там оно тянулось три года, а затем было сдано в архив с пометкой: «Дело сие начало восприяло до всемилостивейшаго манифесту, состоявшегося в 22 день августа 1826 года»<sup>18</sup>. Этим актом, изданным по случаю коронации Николая I, повелевалось всех, состоявших «под следствием и судом... всякого звания людей по делам, не заключающим в себе смертоубийства, разбоя, грабежа и лихоимства.., от суда и следствия учинить свободными»<sup>19</sup>.

Подлинные мотивы доносов порой тщательно прикрывались иными обстоятельствами. 13 марта 1835 г. житель и «выборный человек» с. Ворсма Горбатовского уезда В. Горшков, ссылаясь на владельца села Д.Н. Шереметева и «всё мирское общество», писал в консисторию: «Означенному господину моему угодно уничтожить имеющийся в показанном селе Ворсма у благочинного священника Андрея Федотова красильный завод, поставленный хотя и не на церковной земле, но внутри селения, в близком расстоянии от жителей.., от Вознесенской церкви в 20 саженьях». В «прошении» утверждалось, что «тот завод деревянный топится несравненно жарче и чаще обыкновенных жилых изб», создавая угрозу пожара. Объясняя ситуацию, благочинный указывал, что «Горшков... суевер и старообрядец первого разряда», да и всё «село Ворсма особенно заражено и страждет...недугом раскола». Донос, по его мнению, написали «злоствуя» за закрытие по распоряжению Д.Н. Шереметева местной старообрядческой часовни, в которой «старообрядцы самовольно, без священника отправляли церковные службы». «Завод» же, оказавшийся обычным сараем с красильным котлом, к тому времени уже был закрыт<sup>20</sup>.

Нельзя не отметить, что решения, принимавшиеся консисторией, и особенно те наказания, которые ею применялись, были гораздо легче санкций, предусмотренных нормами канонического права. Так, за участие в драках и бытовое хулиганство священника, согласно 27-му апостольскому правилу, следовало лишать сана<sup>21</sup>. На практике же дело заканчивалось примирением сторон, в крайнем случае – ссылкой в монастырь либо направлением под надзор благочинного, с выполнением епитимьи (например, определённого количества земных поклонов и усиленного поста). Часто с виновного бралась подписка о том, что в дальнейшем он будет «строжайшим образом» исправляться и вести себя благопристойно. Тем не менее, несмотря на широкое применение принципа «икономии» («проявления заботы и снисхождения»), каноническое право, со своими строгими идеалами, оказывало значительное и многообразное влияние на повседневную жизнь как духовенства, так и мирян.

Любопытно также, что донос на священника в первой половине XIX в. воспринимался уже как обычное явление церковной жизни и не вызывал неприятия ни у священноначалия, ни у мирян, ни у самих клириков. Он рассмат-

<sup>16</sup> См., например, 40-е правило Второго канонического послания святого Василия Великого к Амфилохию, епископу Иконийскому // Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных, и святых отец. М., 1992. С. 328.

<sup>17</sup> ЦА НО, ф. 570, оп. 556, 1825 г., д. 106, л. 1–8.

<sup>18</sup> Там же, л. 13 об.

<sup>19</sup> ПСЗ-II. Т. I. СПб., 1830. С. 891.

<sup>20</sup> ЦА НО, ф. 570, оп. 557, 1835 г., д. 134, л. 1–25 об.

<sup>21</sup> 27-е правило святых апостолов // Книга правил... С. 15.

ривался скорее как едва ли не единственное в своём роде средство контроля со стороны общества («мира» и «клира») за поведением и служением иереев в условиях их полного иерархического и канонического подчинения епископу.

---

## Государственная дума и проект организации православного прихода в 1911 г.

*Алексей Беглов*

**The State Duma and the project of establishing Orthodox parishes in 1911**  
*Aleksey Beglov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences,  
and National Research Nuclear University MEPhI  
(Moscow Engineering Physics Institute))*

Способы лучшего устройства православной Церкви в России в предреволюционную эпоху оживлённо обсуждались и в обществе, и в правительственных сферах. В том числе острые споры вызывал «приходский вопрос», т.е. то, как должна быть устроена базовая церковная единица — приход, какие права и какую степень самоуправления ему следует предоставить, какая роль мирян в его делах желательна и как обеспечить баланс принципов иерархичности и «сборности»? Полемика вокруг «приходского вопроса» началась ещё в 1860-е гг. по инициативе славянофилов и, в частности, Д.Ф. Самарина, опубликовавшего в 1867–1868 гг. в газете И.С. Аксакова «Москва» серию очерков под общим названием «Приход». Несколько позднее к дискуссии присоединились различные земские собрания, предложившие свои проекты<sup>1</sup>. В III и IV Государственных думах в 1910–1913 гг. были разработаны семь законопроектов, предусматривавших реформу прихода. К сожалению, в историографии они до последнего времени не рассматривались<sup>2</sup>. Среди них наиболее продуманным, взвешенным и благожелательным по отношению к высшей церковной власти был проект, подписанный в 1911 г. 51 депутатом.

В Святейшем Синоде инициативы депутатов (как ранее — предложения земцев) встречали без какого-либо сочувствия. Между тем среди тех, кто составлял и поддерживал данные проекты, были священники и даже епископы. Таким образом, депутаты выступали в роли наследников более ранних инициатив по преобразованию прихода, а Дума становилась площадкой, на которой представители духовенства и общественные деятели могли вместе обсуждать

---

© 2016 г. А.Л. Беглов

<sup>1</sup> О позиции Д.Ф. Самарина и земских проектах подробнее см.: *Беглов А.Л.* Земские проекты переустройства православного прихода. 1860–1890-е гг. // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом.* 2014. № 1(32). С. 172–200.

<sup>2</sup> См., например: *Рожков В., прот.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004; *Ивакин Г.А.* Православное духовенство в Государственных думах Российской империи. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. Исключение составляет диссертация Л.С. Бокаревой, в которой анализируются думские проекты 1913 г.: *Бокарева Л.С.* Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.